

Сиделкин и пустое кресло

София Абрамова

12+

София Абрамова

Сиделкин и пустое кресло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65468098

SelfPub; 2021

Аннотация

Сиделкин просто сидит. Не видит в жизни ничего, что взволнует его чувства. Только любовь к креслу в заплатках, сигарете и скрипящему лифту оставляет для него свободу от одиночества. Но кто-то приходит к нему в один день и нарушает всё то, что он лелеял.

София Абрамова

Сиделкин и пустое кресло

Снова в его комнате было сыро и промозгло, снова он смотрел сквозь воздух, вздыхая о вчерашней депрессии.

Оглядываясь назад, Сиделкин вдруг понял, что и дом его не тот, и выкуренная сигарета уже не такая сладкая, как в ту секунду, когда она таяла в его рту, слегка прижигая дымом лёгкие.

Жил он на окраине города, в той самой панельке номер семь, которую вы, наверняка, видели уже десять, сто, тысячу раз. Стояла она около маленькой невзрачной реки, казавшейся ему такой узкой, грязной и мутной, что одним своим видом снова забирала у него те приятные воспоминания о сладкой утренней сигарете, о сладком кофе без молока.

Порой Сиделкин вставал со своего кресла в заплатках (на его жизни тоже были заплатки, столь же ничтожные, как заплатки, которые еле прикрывали края дырок, из которых торчал поролон). Скрипя по полу съёжившейся гостиной и под шипение электрической коробки направлялся он к ненавистной речке, забиравшей у него силы. Хлопал дверью квартиры, гремел ключами в замочной скважине и заходил в старый кашляющий лифт с заедающими кнопками. Делал

он это каждый раз не иначе как чтобы породниться с ним, немного успокоиться и в очередной раз подумать – «Я ведь не один такой скрипящий...». А жил Сиделкин всего лишь на втором этаже, ближе к мирскому, так сказать. И лифт ему и вовсе не нужен был.

Топая и шурша штанинами, он шёл вдоль деревьев, казавшихся ему серыми, смотрел сквозь проходящих людей, а они, наоборот, были для него вовсе прозрачными, такими ненужными, такими... пустыми?

Пустая улица, пустые образы, пустые виды – всё для него по дороге к мутной речке являлось таким пустым, не имеющим смысла. А его речка имела смысл.

Хоть и мутная она была, но Сиделкин ведь шёл к ней, шурша штанинами, куря сигарету чтобы заточить чувства. А, завидев блеск грязной воды издалека, распались в нём ощущения ещё сильнее, теперь видел он только речку, всё вокруг него – не имеет значения.

Ускоренными шагами он уже пробирался через серую траву прямо к берегу. И тут же речка заставляла его съёжиться от неприязни.

– Да как ты могла? Как ты могла снова забрать у меня сладкие чувства к моей сигарете, к моему сладкому кофе без сахара?! Почему ты снова заставляешь меня это чувствовать? – Сиделкин так возмущался, что по глади мутной во-

ды шла рябь. Он шмыгал носом от негодования, внутри всё шуршало, как его штанины при безразличной ходьбе, плечи вздрагивали, подаваясь то назад, то вперёд – Сиделкин будто хотел сказать очередную гадость той гадкой речке, но одёрнув плечи махнул в сторону мутной воды рукой. Он резко развернулся на серой траве и пошёл обратно к серой панельке сквозь серые деревья и прозрачных людей. Шаги на пути его медленно и вязко замедлялись и он, обтирая руки о свой висящий пиджак, будто они были чем-то испачканы, снова передёрнул плечами пару раз, выражая остатки негодования, которым, на самом деле и были испачканы его руки.

Потом он снова закурил сигарету, но уже не казалась она ему сладкой. Он была безразличной, серой, а затем прозрачной. В лифте, в который он снова забрался, ища союзника в этой ситуации неразделённой любви с сигаретой, он почему-то не нашёл друга. Вроде лифт опять скрипел, но скрип был бессмысленным, пустым, прозрачным.

Его встретила пустая замочная скважина и он зашёл в свою квартиру-пустую-коробку. Проходя по коридору, он шуршал ногами по местами прогнившему полу, разбросав за собой пару дырявых ботинок и потеряв один носок. Тоже дырявый, что неудивительно.

Он всё шёл и шёл по коридору, пока стены его растягивались и удлиняли путь Сиделкина к дверному проёму в зал.

А Сиделкин всё думал и думал о пустом: «Серые деревья – пустые... Люди прозрачные – пустые... И ты лифт, тоже пустой! И сигарета пустая! И кофе сладкий... Да чёрт с ним, уже не сладкий... пустой.» – руки его затряслись, плечи задёргались, внутри всё зашуршало ещё противнее, чем тогда, десять минут назад у этой мутной речки (к слову, тоже абсолютно пустой). И он, тяжело дыша, наконец схватился за дверной косяк зала, в который с такими усилиями пробирался. Взгляд его захватил кресло, стоящее в середине. Всё в таких же заплатках, ведь не изменилось ничего за этот пустой промежуток времени. Да и заплатки всё те же – ничего не изменилось. От этих кусочков ткани кресло казалось ещё более грязным и неотёсанным, неисправимым и стареющим, как чувства Сиделкина к сигарете.

И Сиделкин с дрожью в плечах и шуршанием в душе бросился в это кресло, держа между пальцев эту же пустую сигарету. Кресло скрипнуло громко-громко в последний раз.

В этом кресле с ничтожными заплатками и расположилось тело Сиделкина на долгие времена раздумий о пустом. Так это тело и просидело в нём, обессилевшее, обмякшее, отдаваясь в каждой клетке колющей дрожью мышц, пока не стало поздно.

Ночь уже застыла плотной пеленой вокруг панельки, реки,

деревьев. И пелена была столь сильна, столь удушающе действовала она на всё вокруг, что, казалось, будто это не ночная дымка, а глыба льда, в которой вдруг застыло всё происходящее.

Свет в квартире Сиделкина не горел – дымчатый ночной лёд покрыл и выключатель от торшера с ободранными кисточками и дырявым абажуром, потрескивая холодом. Горела только сигарета маленьким красным огоньком.

Зашёл бы кто в эту комнату с креслом посередине, увидел бы бессильное тело на залатанном кресле и огонь от сигареты, испускавшей тонкую струйку дыма. Непременно бы тот ощутил и запах дыма через глыбу льда и луну бы увидел. И страшно жаль бы стало Сиделкина, что он не видит сейчас замочной скважины, лифта, деревьев, прозрачных людей, речки, которые освещались светом луны за его спиной, за дверью квартиры в панельке.

А свет луны горел внутри льда, но чувств в замёрзшем Сиделкине и этот свет не всколыхнул, будто глаза остекленели, оледенели. Мыслями он был с сигаретой, со сладким кофе без молока и без сахара, с лифтом, который ещё три часа назад отвечал взаимностью. И плавал, и плавал он в мыслях пустых. И думал, и думал о том, что было всего лишь каких-то три часа назад, не замечая остекленевшим взглядом всё вокруг в свете луны, плавая в глыбе льда.

И он всё сидел и сидел, думал о пустом, об ушедшем. А

утро всё не наступало.